ФИЛОСОФИЯ

УДК 101:316

А.Б. БАСИЛАЕВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВАЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЭЛИТ

Мотивация как система детерминирующая социальное поведение включает в себя в качестве основного структурного компонента категорию социального интереса. Прослеживается становление качественно новых интересов элит в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: *мотивация, интерес, постиндустриализм, элиты.*

Введение. Социальные интересы являются одними из основных субъектных элементов мотивационной системы человека, непосредственно влияющих на его действия и поведение. В свою очередь поведение индивида находится в диалектическом взаимодействии с социальными процессами, происходящими в обществе, и социальными институтами, составляющими его структуру. В данной статье мы задаемся вопросом – в какой мере объективные изменения в узком пространстве постиндустриализма влияют на структуру социальных интересов элит.

Экономические и политико-административные элиты современного постиндустриального мира играют важную, а зачастую определяющую роль в генезисе общественно-исторических процессов. Выполняя функции производства, накопления и трансляции потребностей, интересов, ценностей, норм, они являются структурным звеном в цепи факторов, трансформирующих социальное пространство. Сами элиты также подвергаются трансформационным процессам от структурных до индивидуально-психологических уровней. Потенциал и специфика этой властьимущей группы позволяют приравнять анализ нашей темы к анализу контура будущего состояния многих аспектов общественного бытия. Поэтому нам кажется важным и интересным проследить становление новых интересов элит в современном постиндустриальном мире.

Итак, начнем с вопроса – какие трансформации происходят в структуре элит?

Значительные изменения в обществе, сопутствующие или совпавшие с переходом к постиндустриальному состоянию (информатизация, глобализация, демократизация, неолиберализация, научно-техническая революция, рост значения высокоинтеллектуального труда в производстве, управлении, духовной сфере), отразились на формировании структуры и состава элит. По совокупности различных признаков, например, в функционально-технологических концепциях (Т. Веблен, Дж. Бернхем, Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Э. Тоффлер и др.), на позиции новых элит претендовали: инженерно-техническая интеллигенция, менеджерско-бюрократический

аппарат, учено-экспертные группы. Данные группы объединялись в новые властные институты – «технократия» и «спецнократия», которые, по мнению идеологов данной концепции, должны занимать верховную позицию в пирамиде власти. Эта трансформация в элитарных структурах становится возможной благодаря смене «доминантной общественной ценности», в данном случае – информации, которая становится главным аргументом вышеперечисленных групп. Доминантная общественная ценность по-новому решает вопрос о собственности, а следовательно, и вопрос власти.

Исследуя данный вопрос с временных позиций начавшегося XXI века, мы не можем согласиться с классическими выводами концепций постиндустриализма и информатизации и утверждаем, что структура западных элит на данный момент не претерпела существенных изменений: выдвижение качественно новой группы на роль доминирующей в мировом порядке не произошло.

На наш взгляд, тому есть несколько основных причин. Первая – не происходит смены доминантной общественной ценности. Свободно-конвертируемый капитал не уступил своих позиций информации как таковой. Вторая – в постиндустриальном мире все более углубляется экономическая детерминация политической (практически синкретизировали), социальной и духовной сфер. Власть прогрессивно концентрируется в руках финансового капитала и зависимых от него элитных групп. Третья – проявилась плодотворная способность старых элит к массовым перегруппировкам и ответам на вызовы времени. Это, во-первых, процессы ассимиляции, циркуляции элит, всевозможные процессы сращивания и взаимоперехода экономических, политических и административных элит. Непрерывная циркуляция руководителей усиливает монолитность руководящего пространства, обеспечивает сплоченность, унифицирование интересов правящего класса. Во-вторых, процессы рекрутирования новых членов в основном из своих собственных структур и верхушек тех самых элит «техноструктуры», которые входят в политико-административно-финансовый состав. В-третьих, повышение интеллектуальной, наукоемкой составляющей в процессах властвования. Именно в данном ракурсе информация приобретает ценностное «элитарное» качество.

Далее, в горизонтальной плоскости, элитарная система постиндустриального общества приросла новой составляющей – элитой «техноструктуры». Входящие в нее высшие ученые и управленцы выполняют специфические узкопрофессиональные функции по обслуживанию капитала.

В ходе глобализационных и информатизационных процессов возникают новые международные институты хозяйствования, управления и координации, имеющие надгосударственный или общенациональный статус (ТНК, ОПЕК, ООН, НАТО и т.д.). Данные организации повлекли за собой качественное вертикальное изменение в структуре власти и образование международных экономических и бюрократических элит.

Из вышеперечисленных процессов трансформации, согласно нашей гипотезе, следует изменение в системе интересов элит как группы.

К главным новым интересам экономических и политико-административных элит в постиндустриальном обществе мы можем отнести:

1. Контроль в сфере производства конвертируемого знания (информации).

Наука, особенно прикладные, конкретные ее направления, всегда выступала в авангарде цивилизации. Контроль данного общественного института помогает более замкнутой, а следовательно, более инертной элитарной системе вносить коррективы в свою экзистенцию.

Коррекция может происходить в направлении сдерживания развития знания (гонения на генетику и кибернетику в СССР) или оптимизации (ядерные программы США и СССР).

Современные темпы прироста совокупного научного знания в мире, его общедоступность заставляют не только смещать методы взаимодействия элит на диалог и сотрудничество, но и многократно повышать интеллектуальный уровень самих элитарных систем. Научно-техническая и информационная революции явили миру целый ряд новых и модифицировали старые отрасли знания. Сферы их применения различны: от «интеллектуализации» экономических процессов, разработки математических и кибернетических моделей управления до научных моделей манипулирования сознанием.

Первичный доступ к конвертируемому знанию, право на управление и использование интеллектуальной собственности гарантируют стабильность и развитие экономическим и административным элитарным системам. Поэтому подчинение или выгодное сотрудничество с научно-исследовательскими институтами и профессиональными группами выделяется нами как один из основных интересов.

2. Контроль над глобальными информационными сетями, институтами масмедиа.

Значимость данного интереса пропорционально усложнению человеческого общества. Его реализация в истории прошлого века тому подтверждение – тоталитарные, авторитарные, демократические режимы утверждали свою легитимность, прививали идеологию бизнес сферы, обеспечивали интенсификацию финансово-экономических процессов.

С появлением глобальных сетей (военные сети по примеру Пентагона, гражданский интернет), охвативших весь мир в XXI веке, огромного количества частных масмедийных компаний контроль в данной сфере заметно усложнился. А в сфере действия либерально-демократических норм и ценностей стал практически невозможен.

Политические режимы всех стран «грешат» колоссальными ограничениями и запретами, нарушающими международное право. Политико-административные элиты демократических США, по сути, авторитарной России и коммунистического Китая в одинаковой степени заинтересованы в контроле над СМИ (цензуре подвергаются различные аспекты общественной и личной жизни). Тому виной вопросы военной безопасности («информационные войны»), управление идеологической сферой общества. Экономические элиты используют СМИ и глобальные сети как мощный инстру-

мент лоббирования своих интересов, как интенсификаторы географического пространства и оптимизаторы деятельности ТНК.

3. Контроль над глобальными рисками.

В основе постиндустриализма лежат классические капиталистические способы хозяйственной деятельности. Но контроль элит над рисками здесь выходит за привычную границу элементарного их предотвращения или прогнозирования. Высокими темпами наращиваются новые способы работы с рисками – извлечение из них прибыли.

Цель капиталиста – непрерывающийся, постоянно растущий рынок сбыта, или, в нашем случае, – удовлетворение постоянно растущих потребностей. Причиной возникновения потребностей такого рода в условиях модернизационного развития мирового производства являются цивилизационные или глобальные риски. «Цивилизационные риски – это бездонная бочка потребностей, которая постоянно, без конца самообновляется, преодолевая кризис сбыта и создавая новые расширяющиеся рынки» [1].

Основанная на производстве рисков экономика обладает уникальным качеством самовоспроизводства, по сути, уже не зависящей от сферы удовлетворения человеческих потребностей. Через производство рисков потребности окончательно освобождаются от своей остаточной прикрепленности к природным факторам и тем самым лишаются своей конечности, возможности удовлетворения.

Устранение данных рисков довольно часто либо невозможно по финансово-технологическим причинам, либо имеет симптоматический или даже условный характер. Экономические элиты развитых стран тратят немалые средства на поддержание и развитие существующего в этой сфере положения дел. Риски растут вместе с их преодолением и не устраняются вместе с причинами и источниками их возникновения. То есть проводится не превентивная, а символическая политика устранения рисков, на деле их умножающая.

Примеры в реальном мире простираются от банальных установок очистительных фильтров при сохранении источников загрязнения, вывоза химических и радиоактивных отходов в страны третьего мира до искусственного торможения разработок альтернативных, экономически и экологически целесообразных видов топлива.

4. Поддержание, сохранение существующих угодных общественно-политических режимов и унификация правовых и хозяйственных норм, культурных ценностей других государств.

Угрозы геополитических, глобальных социальных кризисов и т.д., выводящих систему из равновесного состояния и, с некоторой долей вероятности, влекущей смену существующих элит, заставляют правящие слои объединять свои усилия в данном направлении.

Выразителями этого интереса выступают, прежде всего, политико-административные элиты определенного государства. Выступая от его имени, элиты ориентируются на извечные ценности – безопасность государства (в нашем случае – отсутствием угрозы существующим в данном обществе ценностям, а в субъективном смысле – отсутствием страха перед

возникновением угрозы этим ценностям), его благосостояние (количество ресурсов) и силу (как способность контролировать действия других).

Данные и другие ценности на международной арене предстают в форме национальных интересов; внутри государства присутствуют в виде объективных человеческих интересов и потребностей. Политико-административные элиты, реализуя и осознавая государственные интересы, субъективизируют объективные потребности общества и отдельных ее представителей. Творя внешнюю и внутреннюю политику, мотивы элит субъективно искажают как объективные государственные интересы, так и потребности остальных групп населения.

Экономические элиты (транснациональные) также заинтересованы в сохранении существующих угодных общественно-политических режимов и унификации правовых и хозяйственных норм, но их интересы не имеют отношения к национальным интересам и нередко расходятся с интересами тех государств, в которых они локализованы.

Контроль и унификация – удел элит с высоким государственным внешнеполитическим потенциалом. В современном мире - это политико-административные и экономические элиты США с их неолиберальной корпоративной системой. Основной вектор мирового процесса глобализации на данный момент совпадает по направлению с их унификационной политикой («макдональдизацией») в различных сферах общественной жизни планеты. Здесь и прагматичная логика оптимизации движения капитала, и контроль над рисками различного происхождения.

Демократические и неолиберальные ориентиры в политике развивающихся государств становятся номинальным пропуском в постиндустриальный мир стран «атлантического альянса», который выдают США. Цель такого неолиберализма – установка нового неолиберального мирового порядка. Важнейшим элементом глобальной экономической политики США стала «забота о глобальном доступе к мировым ресурсам, транспортной сети, о сохранении лидирующего положения в мировом хозяйстве» [2].

Тысячи крупнейших корпораций находятся на службе у богатых американских инвесторов. Неолиберализм укоренился во многих странах, в том числе и в России. Он - один из ведущих глобализационных факторов. «550-миллиардный/в год внешнеполитический потенциал позволяет США формировать однополярный мир» [3]. Такая однополярность подразумевает установление концепций международной безопасности элитами стран «золотого миллиарда», а следовательно, подчинению их государственным и личным интересам, с приданием им статуса международных.

В однополярном мире властвует не мораль, не международное право – «там где встречаются два равных права, решает сила» - говорил Маркс. Поэтому вновь увеличилось значение военного фактора в мировой политике. Практика показывает, что ни один конфликт двадцатого века не смогла решить ни одна международная организация (ООН, НАТО, МВФ), потому что эффективность достигается в случае возложения на себя ответственности и бремени лидерства одним конкретным государством, которым в начале XXI века являются США. Насилие становится не предметом легитимации неолиберализма, а ее средством, т.е. не неолиберализм будет

служить орудием легитимации власти, а власть - орудием легитимации неолиберализма.

Насилие или угроза применения силы – зачастую решающий унифицирующий фактор политики постиндустриальных государств, провоцирует целый ряд антинеолиберальных действий со стороны стран остального мира. Исламский терроризм, процессы национализации в Венесуэле и Боливии, сворачивание либеральных реформ в России – яркий тому пример.

Вывод. Данные групповые интересы элит относятся к базовым, фундаментальным, группообразующим, поэтому, на наш взгляд, не могут определяться как общечеловеческие, не имеют статуса общезначимости.

Все перечисленные новые интересы, составляющие мотивационные системы экономических и политико-административных элит, являются новыми не по форме, а исключительно по содержанию, так как имеют в истории, сопоставимые по предмету и уровню удовлетворения, аналоги.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000. – С.18-19.

2. Кравченко И.И. Либерализм: политика и идеология // Вопросы философии. – 2006. – №1. – С.3-14.

3. Беттлер А. Национальные интересы // Полис. – 2002. – №4. – С. 146-158.

Материал поступил в редакцию 12.07.06.

A.B. BASILAEV

THE TRANSFORMATION OF MOTIVATIONAL ELITES' PURPOSE

The motivation is a system, that determinate social behaviour includes the main structural component the category of social interest. It has put into practice the discovery of quality new elites' interests in postindustrial society.

Key words: motivation, interest, postindustrialism, elites.

БАСИЛАЕВ Андрей Борисович (р. 1979), аспирант кафедры философии ДГТУ. Окончил РГУ (2003).
Область научных интересов: мировая экономика, психология, философия.
Автор шести научных публикаций.